

Феликс Разумовский, культуролог,
ведущий канала «Культура» Российского телевидения

1. *С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?*

С той традицией, которой уже не существует в современной жизни. С традицией, о которой мы знаем в основном из литературы, из документов, из тех памятников культуры, с которыми приходится общаться. Так же как нет живой древнегреческой культуры, а есть античное наследие, так же нет и древнерусской культуры, но есть наследие. Все, что осталось от этой культуры – либо памятники, либо то, что находится где-то в подсознании. Я отождествляю себя именно с той традицией русской культуры, от которой остались памятники. Если говорить о русской культуре, то для меня сегодняшнее время – это время воспоминаний, мемуарное время.

-Чем притягательна для вас древнерусская русская культура? Что полезно было бы знать о ней?

Полезно знать о ней все. Неслучайно мы потеряли себя, и все у нас падает из рук. Если мы намерены куда-то двигаться, в какую-то цивилизацию, то для этого нам необходимы свои культурные ресурсы. Что ценно для меня в древнерусской культуре? Я остановлюсь только на одном аспекте. В отличие от европейской древнерусская культура не была вербальной, она была созерцательной. Это была культура определенных взаимоотношений с пространством. Она имеет свои памятники, и самый замечательный из них – русский пейзаж. Я имею в виду не жанр живописи, а определенным образом обжитую и оформленную землю. Вот деревня, рядом поле, за полем лес. Есть дорога, есть луг. На пригорке церковь, за рекой монастырь и т. д. Все это – пространство. Оно для человека было значимо. Он это пространство созерцал. А это акт бытийственный. Скажем, пространство, оформленное с помощью храма, напоминало человеку, зачем он живет. Для него это было очень важно. То есть создание русского пейзажа было результатом творчества людей.

Существует такое мнение, что русская культура была молчаливой культурой, поскольку до нас дошло не так много текстов, во всяком случае, текстов самостоятельных. На мой взгляд, это действительно культура молчаливая, которая не умела о себе говорить, но зато умела взаимодействовать с пространством. Это феноменальный дар русского человека – умение общаться с пространством, не бояться его, осваивать его. Это безусловно культурный дар. Поразительно то, что Россия, которая всегда была малонаселенной страной, расширила свои границы до Аляски. Для этого нужна была не просто энергия. Нужна была особая культу-

ра взаимодействия с пространством, которая, на мой взгляд, составляет самую сильную сторону древнерусской культуры.

Разумеется, в этом наследии есть и свои шедевры. Например, есть пространственный ансамбль около Владимира, включая церковь Покрова на Нерли. Сюда входит и сам город Владимир на высоком берегу Клязьмы, и несколько монастырей, которые теперь утрачены, а также княжеская резиденция в Боголюбово. Все вместе это представляет собой совершенно фантастическое пространственное зрелище. Причем это зрелище было не только красиво в нашем понимании, то есть эстетически совершенно, но оно было знаково, то есть смыслово насыщено. Скажем, храм Покрова на Нерли – первый храм, посвященный празднику Покрова, а смысл, который заключает в себе этот праздник, имеет прямое отношение к земле: покров Богородицы над Русской землей. А русская земля – это и русский человек тоже. Потому что земля в понимании человека того времени это не почва и не квадратные метры. Земля – прежде всего люди, предметы их жизнедеятельности, памятники искусства. Все это земля. И когда древнерусские авторы писали, что земля погибла вследствие катастрофы или нашествия, то имелась в виду не утрата каких-то материальных ценностей, а то, что уничтожено определенное взаимоотношение человека и пространства. Русская земля оказалась разрушенной также и в результате неумелой европеизации, поскольку это была встреча с совершенно иной культурой, имеющей определенный запас прочности. Русскую культуру, культуру созерцательную, легче разрушить в определенной ситуации, и она, конечно, оказалась разрушенной. А если она не имеет продолжения, мы к ней никак не апеллируем, то можно очень условно говорить о том, что мы отождествляем себя с какой-то русской традицией.

- Вы говорите о русской культуре как о не вербальной. Но почему вы отсекаете литературное наследие древнерусских авторов, о котором написано так много исследований ?

Когда я говорю о пространственной доминанте русской культуры, я имею в виду тот язык, на котором эта культура выражала наиболее важные для человека смыслы. Я вовсе не отрицаю значимости литературных трудов древнерусских авторов. Я говорю о некой иерархии «языков» в рамках русской культуры. Конечно, существовала святоотеческая литература в русских переводах: монахи в монастырях переводили тексты святых отцов. Это было такое православное богопознание. Но в русской культуре существовал иной способ богопознания – через созерцание Божьего творения. Об этом, кстати, писали святые отцы, прежде всего стоит вспомнить исихастов. Такой способ богопознания был не менее эффективным, другое дело, что он не оставил после себя текстов. Он оставил после себя пространство, которое мы вообще не замечали. Древнерусскую архитектуру долгое время пытались изучать по канонам европейской культуры или античной культуры, где пространство имеет весьма подчиненное значение. Все-таки в западноевропейской архитектуре главное – это масса, декор, световые эффекты

внутри интерьера. Но вот этот пейзаж, рукотворный пейзаж, глобальное пространство, оформленное человеком и эстетизированное – этого в западноевропейской архитектуре не было. Это наш способ богопознания, это наше богословие.

Сегодня об этом можно говорить только в плане изучения. Хотя мы этого, увы, не изучаем, а, пожалуй, только чувствуем, что было так. Правда, у больших художников это нередко воплощается в творчестве, как будто всплывая из подсознания. Например, у Платонова в «Котловане» есть такая фраза: «Если смотреть в сухую мелочь почвы и в травы, то в жизни не было надежды». Эту фразу понять невозможно, если не знать, что такое русское пространство. В этом языке пространственных образов очень важным элементом является соотношение близи и дали. С этого все начинается. Все, что находится вблизи, имеет гораздо меньшее значение, чем то, что находится вдали. Чем ближе к горизонту, тем информация важнее. Платонов этого, конечно, не знал, но как гениально одаренный человек почувствовал. У него таких прозрений много. Но на одном прозрении далеко не уедешь. Древнерусскую культуру надо знать, чтобы с ней как-то взаимодействовать. Она, конечно, задавала очень высокую планку для человека. Ведь перед человеком ставилась задача стяжать Царство небесное. Идея сама по себе очень сложна и высока. Возникает масса соблазнов что-то упростить, отнестись к человеку более снисходительно. Планку стали опускать, хотя процесс был долгим. Постепенно мы пришли к созиданию иной культуры, ведь вся культура как система ценностей строится сверху вниз. А в чем была уязвимость этой культуры? В том, что она предъявляла человеку очень высокие требования. Она всячески поддерживала некий вектор развития. Но поддерживать его было сложно, тем более что в обществе существует масса проблем. Часто они входят в противоречие. Некоторые противоречия разрешить не удалось. И отсюда такая трагическая история.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Мне кажется, что такой вопрос можно отнести к категории праздных, и вот почему. Он возник из сегодняшней цивилизационной тенденции все время фиксировать какие-то достижения: кто насколько далеко и высоко прыгнул или сколько тысяч людей одновременно поцеловались. Достижения такого рода старательно записывают в Книгу рекордов Гиннеса. Но вот к культуре применять такой принцип не нужно. Потому что совершенно очевидно, что может быть достаточно неблагоприятная эпоха, но в культурном смысле она будет необыкновенно продуктивной и будет содержать некий культурный прорыв. А в жизни при этом будет много печального. Так что рассуждать на такую тему – все равно что рассуждать о том, когда было все хорошо. Никогда такого не было и быть не могло.

- Но ведь можно найти какие-то эпохи в истории русской культуры, когда все сошлось самым наилучшим образом во благо культуре, не так ли?

Можно попытаться поразмыслить об этом вот в таком контексте. Отправимся в 11-й век в город Киев, который был тогда центром русской жизни. Москвы тогда еще не существовало, а на месте ее была совершеннейшая тьмутаракань. Никакая цивилизация этого места еще не коснулась. А в окрестностях нынешней Москвы была так называемая Залесская земля. В Киеве все русские князья передрались, поскольку пытались построить то, что мы сейчас называем федерацией. А на основе русской культурной традиции федерацию построить невозможно. И если бы кто-нибудь из власть предержащих ныне хотя бы на минуту себя отождествил с русской культурой, он тут же закрыл бы вопрос о федерации. Это в свое время понял князь Андрей Юрьевич, сын Юрия Долгорукого. Он уехал из Киева в Залесскую землю, и через 20 лет в этой тьмутаракани была создана цветущая держава – Владимирская Русь. Я не знаю, входила ли она в какую-нибудь «семерку» или «пятерку» сильнейших государств, но если бы входила, то под номером один. Об этом прежде всего сообщают архитектурные памятники, скажем, Успенский собор во Владимире, построенный из белого камня. Чтобы его построить, нужен был очень высокий уровень строительной техники. Это был прорыв. Не экономический, хотя экономический тоже, но культурный – вне всякого сомнения. В современной России с момента перестройки прошло уже почти 20 лет, но Успенского собора или храма Покрова на Нерли мы еще не построили.

- Зато восстановили Храм Христа Спасителя...

Это, как говорится, без комментариев.

3. Как сказалоь на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Сказалоь трагически. В чем тут дело? К концу советского периода уже всем было ясно, что надо что-то делать, надо принимать какие-то решения. И вот время принятия решений совпало с тем, что можно назвать кризисом беспочвенности. Я думаю, что культурная элита влияет на стратегию развития. То есть, условно говоря, она влияет на решение вопроса: куда плыть, куда грести? Отчасти она влияет на тактику, но только отчасти. На тактику в основном влияет политическая элита, которая и определяет, как грести, каким веслом сначала. Вспомним, кто был в числе депутатов Верховного Совета при Горбачеве: Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев и другие выдающиеся люди, для которых русская традиция не была пустым звуком. Но эти люди никакого влияния на стратегию развития не оказали. Влияние на стратегию оказали совсем другие люди, которые несли в себе то, чем отличались последние времена советского периода – совершеннейшую беспочвенность. Причем все как-то связанные с литературой люди разошлись по

разным «лагерям»: западники отдельно, почвенники отдельно, патриоты отдельно. Но вместе они были абсолютно беспочвенными людьми, независимо от принадлежности к тому или иному клану. Отличие только в том, что западники призывали не копать в нашей истории, а опираться на экономику, которая решает все. А так как западная экономика успешна, значит, ее надо и воспроизводить. Так могли рассуждать только очень невежественные люди, хотя они считались почему-то очень умными людьми. Представители иного направления, то есть нового разлива славянофилов, призывали всех куда-то идти для спасения русской традиции. Но они были так же беспочвенны, как и западники. Они так же не знали русскую культурную традицию, но, что еще страшнее, они ее не чувствовали. В такой ситуации невозможно было принимать никаких решений. Можно было только наложить мораторий на принятие решений и заняться тем, что называется самопознанием. Не вредно было бы вспомнить, кто мы такие, где наши корни и т. д. Но поскольку люди собрались горячие и решать надо было немедленно, все были охвачены эйфорией. Все были охвачены идеей рынка, который должен был решить все проблемы. Вот мы и получили соответствующий результат: ни одной проблемы так и не было решено.

- И все-таки, почему постсоветское время вы называете трагическим, чем оно хуже советского?

Сопоставлять можно по многим параметрам, и в том числе по такому параметру, которым определяется социальная психология. Есть времена социального оптимизма и есть времена социального пессимизма. Во времена социального оптимизма, несмотря на все трудности, человек чувствует себя человеком. Можно говорить, что он раб, что от него ничего не зависит, а он будет чувствовать себя комфортно и при этом делать замечательные вещи. В нашей истории были времена социального оптимизма. Самый убедительный пример – время правления Екатерины Второй, когда и через Альпы походы совершали, и с турками воевали, и при этом русский человек чувствовал, что он может многое сделать. Что касается советского времени, то хотя оно было разным в 20-е, 30-е, в послевоенные годы, но такого пессимизма, как в постсоветский период, не было. Это точно. В результате всех метаморфоз постсоветского времени человек впал в один из мрачных периодов пессимизма. Он ощущает, что ничего не может, у него ничего не получается и никогда не получится, и ему просто плохо. Он чувствует себя одиноким, оставленным всеми. В этой ситуации он ничего делать не может. То, что произошло после развала страны, ввергло русского человека в страшную депрессию. Конечно, это ужасно. Как это можно еще оценивать?

- А как это «трагическое» время проявилось в культуре?

Если пойти в книжный магазин «Графоман» и закупить книг, а потом прийти домой и читать, то ощущение будет замечательное. Такой взгляд на культуру тоже может быть. Книг издается сейчас много, причем такие книги, которые рань-

ше не издавались. Почему они издаются, я не понимаю. Тут какой-то иррациональный момент присутствует. Так же как в 20-х годах делались замечательные исследования, и эти труды издавались, а сами исследователи были нищими. Как известно, Гершензон за очередную книгу получил в виде гонорара кило манной крупы во времена НЭПа. И между тем, он продолжал писать. Так вот, если оценивать ситуацию в культуре по книжному магазину «Графоман», то сохраняется некий оптимизм. Но если выехать за кольцевую дорогу и заглянуть в ближайшую русскую деревню, то оптимизма сразу поубавится.

- Книги – это все-таки некая материализация культуры, а как, на ваш взгляд, ощущает себя человек творческий, создатель духовных ценностей в нынешнее время?

Если для сравнения вспомнить советскую эпоху, то культура в то время была иерархична. Были определенные зоны, где идеология работала на 100 процентов. Эти зоны все знали, и их можно было обойти. В то же время в пространстве советской культуры были оборудованы «экологические ниши»: определенные сообщества, научные, культурные, определенные журналы. И всегда было ясно, куда ты пришел и как там следует себя вести. Сейчас культурное пространство представляет собой некую взвесь. Все перемешано. Это очень непродуктивное состояние. Повсюду крутятся обрывки идеологических представлений, интеллигентского свободомыслия, западничества, славянофильства и т. д. Все перемешано, непонятно, как с кем разговаривать, как с кем себя вести. В культуре нет точек кристаллизации, когда, действительно, собираются люди, знающие, как друг с другом общаться, и они начинают общаться продуктивно. Потому что они могут не только общаться, но и сотрудничать. Они знают, что их объединяет и что находится за границами их сообщества. Сейчас все перегородки разрушены. Это вообще антикультурная ситуация. Можно только условно говорить о какой-то культуре. Мы не знаем, где мы находимся. Допустим, сохраняется старая вывеска «Магазин». Входишь, а там бордель. Понятно, что в таком пространстве трудно жить. Состояние «взвеси» – это состояние ужасное. Для контраста хочется вспомнить время, когда культура была максимально иерархична. Это серебряный век. Сколько было всяких сообществ, групп, кружков! Иногда между ними имелись едва уловимые отличия. Но тем не менее было понятно, куда ты пришел и что можно здесь делать. И это было очень продуктивное время.

- Тогда почему серебряный век, в котором все было так сбалансировано, так идеально, вы не назвали одной из вершин в русской культуре?

Идеального там ничего не было. Это тоже был тупик русской культуры. Но если брать социальное бытование культуры, то именно тогда культура в обществе наиболее зрело оформилась. Поэтому возникла ситуация, когда малейший талант, появившийся в любой сфере культуры, не оставался незамеченным. Сколько поэтов первого ряда, сколько художников, сколько мыслителей! Казалось бы,

откуда? На самом деле такие люди есть всегда. Просто при социальной зрелости культуры на каждый талант находятся либо меценаты, либо заинтересованные в нем люди. И возникает культурная оранжерея, в которой эти таланты вызревают. Одна из иллюзий нашего постсоветского периода связана с представлением, что как только появятся богатые люди, они сразу станут Третьяковыми, Морозовыми и Мамонтовыми. У нас появились богатые люди, которые за один день могут вышвырнуть миллион, но 100 долларов не дадут художнику. Не потому, что не хотят. Они не понимают, какому художнику их надо дать. Третьяков приезжал в каморку к Левитану и понимал, с кем имеет дело.

- Зато они покупают Малевича...

Это к культуре имеет опосредованное отношение. Это просто вкладывание денег. Здесь уже проблемы не культурные. Здесь проблемы финансовые.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом к власти нового лидера?

Тут могут быть разные модели. И русская история дает нам разные примеры. Например, влияние Екатерины Второй на культурную ситуацию в России было весьма активным и благотворным. Эта дама на троне умела держать тогдашнее дворянское общество в некоем культурном напряжении. Во всяком случае, она была явным культурным лидером, и без нее не обходилось ни одно культурное событие. Если мы возьмем серебряный век, то влияние Николая Второго на культурную ситуацию было минимальным, даже когда в правительстве Николая был Столыпин, благотворно влиявший на ситуацию политическую. Но в культурной ситуации задавали тон другие силы. Что же касается эпохи Путина, то я не вижу, чтобы события развивались в направлении екатерининской модели, когда первое лицо в государстве является первой скрипкой в культурном развитии. Но я не вижу, чтобы события развивались и в сторону модели серебряного века, когда в обществе есть такие ресурсы самореализации, что от власти не требуется особых забот. Однако не стоит забывать, что культура – это страшно инертная система. Если политическую ситуацию можно изменить за несколько часов, то культурная ситуация, связанная с сознанием людей, меняется достаточно медленно. Что касается государственной сферы, то тут влияние нашего лидера очень серьезное и достаточно положительное. Человек пришел к власти, когда о России как о стране и государстве можно было говорить достаточно условно. Государства просто не было. Теперь ситуация иная. Но если рассматривать сферу культуры, то нет никаких попыток выйти из ситуации вот этой культурной взвеси. Это крайне не творческая ситуация, но выхода из нее я пока не вижу.

- *А вот если бы наш лидер всерьез увлекался музыкой или живописью, знал всю историю искусств, помогло бы это изменить культурную ситуацию в стране?*

Это никак не повлияло бы ни на культурную ситуацию в целом, ни на русскую живопись, ни на русскую музыку и т. д. Это повлияло бы на судьбу конкретных художников или музыкантов. Кому-то построили бы личный музей или концертный зал. Не более того. Я не вижу никакой связи между возможностью повлиять на культурную ситуацию и тем, что лидер государства увлекался бы не горными лыжами и японской борьбой, а живописью и музыкой. Дело в том, что советское время дискредитировало все понятия. Мы уже не знаем, что стоит за понятием «культура». Культура была низведена до роли Дома культуры, когда человек после работы выбирал себе кружок для занятий либо театром, либо художественным словом, либо шитьем и т. д. Кстати, и телеканал «Культура» создавался по принципу Дворца культуры или Парка культуры, где в отличие от Дворца культуры есть еще бильярдный зал и пивная. То есть занятий немножко побольше. Чем все это обернулось? А тем, что культура сегодня превратилась в некую резервацию. В стране сейчас живут «белые» люди, которые занимаются серьезными делами, а какие-то «аборигены» занимаются непонятными вещами, называемыми культурой. Надо бы очистить от них пространство, и, чтобы не мешались под ногами, им отвели скромное место, где их кормят, правда, не досыта, а так, чтобы не умерли с голоду. Но в этом нельзя обвинять только власть. Дело в том, что и сами деятели культуры очень постарались для того, чтобы такая ситуация возникла. Они готовы были эту резервацию создать и туда откочевать. А вот для того, чтобы культурная ситуация изменилась, власть должна преодолеть две вещи: во-первых, явные изъяны мировоззрения, а во-вторых, понять, что такое культура. Зачем она нужна? Нужна ли она вообще? Вопросов много, но ответа на них пока нет. Поэтому все культурные акции сводятся к тому, что какой-то режиссер получит деньги на картину, а какой-то художник получит личный музей. Забота о культуре на этом кончится, но к культуре это не имеет никакого отношения.

- *А у вас есть своя модель изменения культурной ситуации? Если представить, что вы оказались на вершине власти, что бы вы предприняли?*

В свое время в *Литературной газете* была рубрика «Если бы я был директором». Это такой клапан сбрасывания пара. Я никогда в эту рубрику не писал и могу обратиться только к историческим аналогиям.

Вот в петровскую эпоху модель государства напоминала модель корабля. На капитанском мостике стоит император, он поворачивает штурвал, а вся команда слушается его. Все зависит от капитана. Он один знает, куда плыть. Остальные не знают и не спрашивают. Но даже Петр Первый потерпел самую большую неудачу именно в модели государства и культуры. Одного человека недостаточно в деле созидания культуры. Говорить сейчас об изменении культурной ситуации в России бессмысленно. Это праздный разговор. Для этого ничего не готово, и ни-

какого движения в этом направлении нет. Хотя можно многое сделать, если поставить перед собой такую задачу. Но такая задача не стоит.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры? Нуждается ли в этом русская культура на данном этапе?

Если подразумевать под опекой какую-то нормальную поддержку государственных культурных учреждений, то, очевидно, восстанавливается. Но культура – не только учреждения и не столько учреждения. Хотя у нас есть Министерство культуры, оно лишь сбивает с толку, потому что занимается только учреждениями. Если же говорить о культуре в широком смысле слова, то конечно же, она живет, создается, развивается только в результате некой опеки, какого-то целенаправленного воздействия, в том числе и государственного. Если это воздействие будет эффективным, благотворным, если за этим воздействием будет стоять понимание проблем культуры, то это будет хорошо. Если это воздействие будет осуществляться без всякого понимания, что такое культура, это будет плохо. Но опека нужна. От кого? Опека может исходить от частных лиц. Но эту ситуацию надо оставить на очень далекую перспективу. У нас частные лица выросли понятно из какой среды, и поэтому никакого нормального влияния на культуру здесь ожидать не приходится. Желательно иметь опеку культуры от государства. И в русской истории есть примеры эффективного и здорового влияния государства и первых лиц на процессы, происходящие в культуре. И на самом деле, может быть, высший момент творчества – воздействие на культурную ситуацию в стране.

Таких воздействий было сколько угодно. Например, императрица Екатерина Вторая разрешила издавать частные журналы в России. Сама организовала журнал и была по сути его единственным автором. Она пробудила в обществе нормальную культурную форму деятельности. На страницах журнала обсуждались различные вопросы, в том числе и вопросы взаимоотношения власти и общества. Это была нормальная форма влияния или опеки. Екатерина знала, что делала и что создала. Она стремилась создать в России общество. До нее общества в России не было. Было государство, которое возникло при Петре. А общества «на корабле» быть не может. Есть только капитан, которому все подчиняются. Екатерина настойчиво в течение нескольких десятилетий создает русское общество, то есть дворянскую культуру. Это была очень эффективная и достойная опека. За такую опеку можно голосовать двумя руками.

Но можно привести примеры и крайне отрицательные. Это происходит, когда человек просто не знает, как работать с таким материалом, как культура. Он в этом смысле глух и бездарен, как, например, Александр Первый. А вот Николай Первый был чрезвычайно одаренным в плане культурного влияния и опеки культуры. Он мог поддержать какие-то культурные веяния и выступить в роли куль-

турного лидера. Например, русский романтизм как явление культуры в значительной степени был поддержан Николаем Первым. Нельзя сказать, что есть одно средство, один подход, но бояться государственной опеки не стоит. Были в России времена очень благотворной опеки. Что же касается нынешней ситуации в России, то поскольку еще не восстановилось государство, то о какой опеке можно говорить? Опекать культуру практически некому.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Об элитарности и народности можно говорить сейчас достаточно условно, поскольку условным является само понятие «народ» в нашей стране. Можно говорить скорее о населении. Народ – нечто, объединяющее разные поколения, живущие на этой земле. Причем осознание причастности нынешнего поколения к прошлым должно быть не пустым звуком. Такого сегодня нет, но зато есть попытка решить нашу судьбу без учета того, что и как делали на этой земле наши предшественники. Раз нет полноценного народа, то тем более уж нет полноценной элиты. Есть люди, которые по формальным признакам могут претендовать на звание элиты в силу своего положения в каком-то культурном или политическом пространстве.

- Можно ли в таком случае рассуждать о взаимоотношениях культуры массовой и серьезной, высокой, которую мы условно назовем элитарной?

Вряд ли. Дело в том, что культура – это некая иерархия. В ней есть все и должно быть все. Есть верхние этажи, есть заоблачные выси, есть низкий слой. Никогда не увенчается успехом попытка как-то приподнять культуру: отсечь то, что поют на масленицу, и оставить только то, что поют в церкви. Культура должна быть разной. Когда есть какая-то низовая культура, она обязательно подразумевает культурный верх. Это нельзя рассматривать изолированно. Они обязательно взаимодействуют между собой, но их никогда не смешивают. Это важно, если культура живая. В древнерусской культуре одновременно были и скоморохи, и святые, и юродивые. Но в один прекрасный момент от скоморохов захотели избавиться, а это момент опасный. Это было свидетельством слабости культуры.

Ситуация, когда существуют и скоморохи, и святые, от нынешней ситуации отличается радикально. Потому что такой культуры, которая объемлет и оформляет все, сегодня нет. Сегодня все перемешано, превращено в некую взвесь. Эту взвесь тоже нужно определенным образом развлекать, для чего и существует массовая культура. А для более узкой аудитории существует нечто, называемое элитарной культурой, которая на самом деле является скорее имитацией культуры в той же степени, что и культура массовая. Принципиально они не отличаются. Вот скоморох от святого отличался принципиально, а какой-нибудь современный элитарный спектакль от массового фильма принципиально не отличает-

ся ничем. Когда серьезно обсуждается вопрос реконструкции Мариинского театра и в качестве архитектурного проекта предлагается конструкция в виде параллелепипеда, на котором куча мусора, и это называют элитарным искусством, – то это просто эпатаж и больше ничего, пощечина общественному вкусу. Принципиально это ничем не отличается от поделок массовой культуры. И то, и другое есть имитация.

- Вы считаете, что сейчас не может появиться произведение искусства самой высокой пробы?

Я не хотел бы переходить к вопросу об искусстве, потому что в искусстве может быть все. Могут быть созданы замечательные вещи, просто они останутся в значительной степени не востребованными. Они будут существовать сами по себе. Общество не будет в них нуждаться. И даже если появится сейчас человек такого уровня, как, скажем, Сергей Радонежский, о его существовании никто не узнает. Потому что он никакого влияния на русскую культуру оказать не сможет. Этим как раз и отличается наше время.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Как мне представляется, человек либо служит, либо обслуживает. Поскольку я занимаюсь тем, чем хочу, то вроде бы не обслуживаю. И поскольку эта деятельность связана с тем, что называется смыслом, то, вероятно, можно сказать: «Да, это некое служение».

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Глобализация – это нечто прямо противоположное тому, что всегда было свойственно русской культуре. Я имею в виду всемирность русской культуры, ее стремление быть целым миром. Ее всемирная отзывчивость по Достоевскому – не выдуманная вещь. Мы хотели быть «миром» для того, чтобы говорить о самых важных вещах, и для того, чтобы эти важные вещи в мире собирать, отмечать и с ними общаться. Глобализация подразумевает, что нам следует собирать самые ненужные вещи. Процесс внешне похожий, но внутренне прямо противоположный основам русской культуры. Как он может воздействовать? Только самым разрушительным образом. Тем более, что мы оказались к этому совершенно не готовы. Может быть, мы сумели бы подготовиться к такого рода ситуации, и скорее всего в русской культуре нашлись бы противовесы, если бы она была здорова. Она ведь может весьма продуктивно взаимодействовать даже с противоположными явлениями, с тем, что ей противоречит. Русская культура всегда строи-

лась на каких-то взаимодействиях и откликах, на усвоении чего-то иного. Но поскольку сегодня она в столбняке, в состоянии клинической смерти, то пережить такое испытание, как глобализация, без потерь ей просто не под силу.

9. Сложилась ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Если этот вопрос наполнить реальным содержанием, то рассуждать надо о том, как могут взаимодействовать почти разрушенное, потерявшее перспективу развития государство и церковь, в которой за годы советской власти была решительным образом уничтожена некая культурная составляющая. А ведь церковь и государство могут нормально взаимодействовать, прежде всего на культурном поле. В сегодняшней церкви людей, подготовленных для такого взаимодействия, почти нет. Государство же неправильно понимает, что такое церковь, каково ее значение. Пока что все идет по линии советского общения, только поменялся знак: отрицательный на якобы положительный. Новые взаимоотношения церкви и государства пока сложиться просто не могут.

- А как вы оцениваете новое религиозное искусство, на которое теперь нет никаких запретов?

Сейчас в этой области все приходится начинать с нуля, поскольку никакой живой традиции церковного искусства нет. В лучшем случае это подражание или просто халтура. Ведь когда писали иконы в 14–16 веках, то пытались ответить на какие-то вопросы языком того времени. Сейчас нужен новый художественный язык. А для того, чтобы он появился, нужна полноценная церковная культура.

- Разве не может быть отдельных прозрений? Ведь смог же, по вашим словам, Андрей Платонов, не зная древнерусской традиции, выразить ее суть в своих произведениях? Почему же в церковном искусстве не может появиться такого же гения?

Если говорить о Платонове, то не будем забывать, что этот человек вышел из литературной среды начала 20-го века. А это была живая художественная среда. Если вспомнить Левитана, который воплотил в своих картинах особенности древнерусского пейзажа, то за ним стоит московская школа живописи. Его учителем был Саврасов. Но если сейчас нет такого художника, как Саврасов, а в литературе существует Виктор Ерофеев, ситуация почти тупиковая. Все-таки люди, творившие на рубеже 19-20 веков, опирались на искусство своего времени, которое находилось не в таком плачевном состоянии.

-Но ведь появился же знаменитый современный иконописец Зенон, значит, исклечения бывают?

Этого человека отлучили от церкви. И о нем забыли. Что же тут можно сказать? Сама эта история говорит о многом.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

На мой взгляд, постсоветская эпоха мало отличается от советской. Обе эпохи были замешаны на обычном русском утопизме. Просто советская эпоха дала один вид большевизма, а постсоветская другой. Принципиальных отличий нет. Мне кажется, что в культурном смысле в конце постсоветской эпохи точка не поставлена. В каком-то смысле точку пытаются поставить политически, но это пока лишь попытка. А что значит: закончить эпоху в культурном плане? Значит, открыть новую, начать с понедельника новую жизнь. Под эту новую жизнь надо подвести основание, чем-то наполнить в культурном отношении. Этого пока нет. Даже контуры новой эпохи не просматриваются. Не изменен даже вектор развития. Первое, что характеризует новую эпоху – новое содержание. Второе – некое отношение к предыдущей эпохе. Эта оценка еще не дана. Более того, мы стараемся себя убедить, что в последнем десятилетии было нечто такое, что оправдывает все жертвы, что через это надо было пройти. Мы себе просто морочим голову. Если посмотреть, ради чего все было затеяно, то, на мой взгляд, нет ни одного достижения, ради которого надо было такое устраивать.

Прежде всего, мы не создали общество. Все разговоры о свободе – это рассуждения недобросовестных людей. Потому что свободой могут распоряжаться только люди, которые умеют самостоятельно жить. Ни по одному признаку никакого итога не возникло. Другая эпоха начнется, когда мы вернемся к себе, когда мы перестанем вертеть головой из стороны в сторону и искать, где хорошо. Вообще самый прозорливый человек на Руси – это слепой. Он не отвлекается на внешние моменты, он смотрит в себя. Я не говорю, что всем надо ослепнуть, но нам всем надо посмотреть в себя. Надо иметь к этому волю и желание. Это картина достаточно страшная, во всяком случае приятного меньше, чем хотелось бы. Тем не менее, это надо сделать. Тогда наступит новая эпоха. А пока будем восхищаться то чикагским опытом, то аргентинским и вертеть головой по сторонам в поисках универсального средства, ничего не произойдет. Уже не одно столетие мы подбираем отмычки, а надо пользоваться ключами.

- Найти свой золотой ключик?

Нет, золотой ключик – это тоже отмычка. Надо полезть в сундук за ключами, тогда наступит новая эпоха. Есть русский способ жить, русский способ смотреть на вещи. Это, безусловно, касается только жизни. Нет русского способа производства автомобилей. Автомобили делают примерно везде одинаково. Но способ жить

– разный. Мы имеем дело с человеком, поэтому на вопрос «как жить?» надо отвечать по-русски. Колесо должно быть круглым и в Америке, и в Японии, и в России, но жить мы будем все-таки как-то по-своему. По-своему относиться друг к другу, по-своему относиться к пространству. Во время второго прихода большевизма началось необъявленное строительство русской Америки или этакое русское Запада. Его строят изо всех сил, но ничего не получается. Эти попытки надо оставить как заранее обреченные на неудачу. Просто каждая страна имеет свое пространство и свои традиции. Об этом не стоит забывать. Поскольку человек без традиции не творческая личность, то и народ в целом теряет способность к творчеству. В русской культуре есть одно замечательное качество, своего рода уникальный ресурс, который позволяет ей иметь вселенский характер. Это, собственно, единственная культура, которая не замкнута на этнос. Мистика крови, как говорил Бердяев, нам неведома. Но мистика пространства для нас чрезвычайно важна, в том числе культурного пространства, где взаимодействуют разные вещи, разные идеи, разные модели мира. Если мы вспомним об этом, тогда может быть, что-то изменится.